

Автор придерживается «нормализаторской» линии в интерпретации искусства сталинского времени – линии, характерной для современной социальной истории сталинизма и противостоящей «катастрофизирующему» подходу, отличающему как старое тоталитарное, так и новейшее историко-культурное толкование сталинизма. Это наблюдение еще раз подтверждается в заключении, в котором Янковская подчеркивает успешность приспособления советских художников к ситуации несовместимости идеологических деклараций и экономических реалий. Ее выводы относительно советских художников, с особыми оговорками, перекликаются с наблюдениями одного из пионеров и локомотивов социально-исторической ревизии советской истории Ш. Фицпатрик по поводу стратегий сопротивления и приспособления «сталинских крестьян» и горожан: «Советские художники переиграли идеократический режим. Гибко реагируя на меняющиеся требования офици-

альной эстетики и цензуры, они профанировали идеологию, неплохо на ней зарабатывая, оставаясь в относительно безопасном положении» (с. 234).

Несмотря на предсказуемость последнего тезиса, книга Г.А. Янковской является новаторской как в постановке проблем, так и в способах и многих результатах их решения. Как историографический факт она, помимо прочего, опровергает пессимистические прогнозы по поводу включенности российских историков в единое международное исследовательское сообщество, равно как и устойчивое предубеждение о наличии якобы незыблемой границы качества, разделяющей историков в самой России по линии «центр–периферия».

**И.В. Нарский, доктор исторических наук
(Центр культурно-исторических исследований
Южно-Уральского государственного
университета, Челябинск)**

Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. М.В. Друзин. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. 682 с.

Рецензируемый сборник имеет грифы трех академических учреждений: Санкт-Петербургского института истории РАН, Института истории Украины НАН Украины и Белорусского государственного университета. Тематически сборник многолик: он объединяет под одной обложкой публикацию источников разного типа и исследования самой разнообразной тематики (по истории исторической науки, социальной, экономической, культурной истории, истории внешней политики, повседневности, «устной истории» и других). Обширна и география авторов: Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Чита, Петрозаводск, Липецк, Самара, Ростов-на-Дону, Иркутск, Ярославль, Калининград, Магнитогорск, Великие Луки, Белгород и другие города России, Киев и Минск. Представлены более 50 историков самых разных поколений.

Сборник состоит из трех основных тематических разделов, которые, в свою очередь, распадаются на подразделы: «Источники», «Историография», «Исследования». Трудно сказать, насколько такое деление материала обоснованно, но можно понять и трудности редактора книги, пытавшегося систематизировать и объединить под одной обложкой столь разнородный материал. В предисловии он справедливо отмечает, что «серьезное влияние

на исследования» постсоветских ученых «оказывали такие факторы как суверенизация бывших советских республик, и необходимость обосновать национальную государственность» (с. 3). Сборник должен способствовать взаимному ознакомлению с позициями друг друга ученых постсоветского пространства и в конечном итоге «большей объективности и научности» работы историков (с. 3). Однако ценность сборника скорее в том, что он в определенной степени фиксирует состояние науки постсоветской эпохи. Каков же реальный стержень сборника? На мой взгляд, таковых два – условно их можно обозначить как *конструирование историографии* и *конструирование истории*. В данной рецензии я хотел бы, прежде всего, остановиться на тех статьях этого издания, которые в наибольшей степени с ними связаны.

На страницах сборника постоянно звучит тема «школы» в исторической науке. Так, формирование дискурса «петербургской исторической школы» исследуется в статье челябинского историографа Н.Н. Алеврас «Петербургская школа историков. К.Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта)» (с. 171–184). Характеризуя значение деятельности известного ученого, Алеврас называет его «учителем без школы», подразумевая, что не имевший собственной,

«персональной школы» Бестужев-Рюмин «может быть представлен в качестве несомненно-го лидера-учителя петербургских историков, заложившего научную традицию, на базе которой сформировались собственно научные школы историков Петербурга» (с. 183).

В разделе «Источники» помещена подборка материалов, связанных с личностью Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987) – одной из знаковых фигур отечественной науки 1930–1980-х гг. Ученик Б.Д. Грекова, Мавродин сменил В.Д. Приселкова на постах декана исторического факультета ЛГУ и заведующего кафедрой истории СССР, которые с небольшими перерывами занимал почти 40 лет. Сборник представляет весьма отрывочную, но в то же время любопытную подборку высказываний о В.В. Мавродине. Воспоминания студентов профессора (С.Н. Азбелев) соседствуют с заметками его младших коллег (В.М. Панеях, А.Н. Цамутали) и современников в науке (Н.А. Мининков). Подборка воспоминаний коллег дополнена публикацией единственного сохранившегося в семейном архиве письма к Мавродину. Его сын, Вал.В. Мавродин отмечает: «Мой отец получал очень много писем, открыток и телеграмм, но рассказать о них трудно. И вот почему. Всю корреспонденцию он хранил долго – месяцами и даже годами, потом собирал, укладывал стопкой, перевязывал, всегда только рыболовной леской, и увозил на дачу. Там очень внимательно прочитывал каждое, а потом сжигал» (с. 25). Вал.В. Мавродин не берется объяснить этот факт, но, вероятно, объяснения здесь не требуются – с эмоционально-психологической точки зрения это лучшая иллюстрация к драматичной судьбе ученого, начавшего свой путь в сталинскую эпоху. В сборнике помещена и любопытная подборка писем Мавродина к коллегам (Г.М. Дейчу, Н.С. Державину, А.И. Козаченко, И.И. Минцу, А.М. Панкратовой, Н.Л. Рубинштейну и другим), подготовленная к публикации Н.Н. Юсовой.

К другому блоку статей, отражающих непростой процесс построения российской, советской и постсоветской историографии, можно отнести работы, в которых рассматривается развитие различных историографических схем. Так, статья липецкого историка А.Н. Долгих опровергает историографический миф об определяющей роли Александра I в создании многочисленных проектов решения крестьянского вопроса в России. В статье минского исследователя А.Б. Елисеева рассматривается историография взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства, которую автор справедливо рассматривает в тесном контексте церковно-госу-

дарственных отношений. Яркую зависимость современной историографии российско-украинских отношений от «национального заказа» и политической конъюнктуры показывает в своей статье московский историк А.П. Федоровых. О связи историографии с процессом «конструирования наций» говорится в статье киевского историка Н.А. Лаас «История крымских татар периода позднего сталинизма и хрущевской “оттепели”: экскурс в англоязычную историографию». К числу наиболее глубоких статей сборника относится работа минского историка В.И. Меньковского «Ревизионистское направление англо-американской историографии советской истории 1930-х гг.». Автор анализирует эволюцию англо-американской советологии 1950–1980-х гг. в отношении советской истории периода «развитого сталинизма», показывая, какие социологические и политологические модели использовались историками-советологами, когда и почему происходили изменения в их инструментарии. В статье другого минского исследователя М.А. Шабасовой «Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России» доказывается ограниченность возможностей так называемой «транзитологии» в изучении процесса социально-политической трансформации постсоветского общества.

Конструирование истории в новой реальности, сложившейся после распада СССР – одна из проблем (и задач), которая естественным образом объединяет большинство разноплановых статей сборника. Не случайно при этом, что значительное место в сборнике занимают статьи по истории России рубежа XIX–XX вв. Подспудно их объединяет спор о том, какие силы были ответственны за крах «старого порядка»? Так, в центре внимания белгородского исследователя И.Т. Шатохина – «кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX–XX вв.» Автор вскрывает основные пороки в системе местного управления этого времени, в числе которых конкуренция за властные полномочия на местах представителей разных ведомств, система «круговой безответственности» в коллегиальных органах власти, тенденция самоидентификации дворянства «через отстранение от государственной власти». Великолукский исследователь С.Г. Петров рассматривает характер высказываний прессы Псковской губ. по политическим вопросам в период первой русской революции. Калининградский историк А.С. Соколов в статье «С.Е. Крыжановский и правая печать в российской империи начала XX века» рассматривает деятельность товарища министра внутренних дел, ведавше-

го в столыпинскую эпоху правительственным фондом, выделявшим деньги на поддержку правой печати. Вслед за героем своего очерка историк приходит к выводу, что выделяемые на эти цели суммы были минимальными, а потому и «эффект от правой печати при такой постановке дела оказался мизерным».

Революция 1917 г. и связанная с ней смена исторических эпох привлекают внимание многих авторов. Рассуждения московского историка А.С. Сеньявского о русской и советской истории в статье «Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века» (с. 498–518) – яркий пример «конструирования прошлого» с позиций современного «национально-патриотического» движения. Автор приходит к выводу о большевистском проекте модернизации России как единственно возможном и в целом отвечающем национальным интересам. По его мнению, при всех «социальных издержках» («массовых репрессиях, голоде начала 1930-х гг.»), советская модель развития обеспечила «превращение отсталой России в передовую державу» и не сработала только при переходе к постиндустриальному обществу, но не потому, что потенциал советской системы был исчерпан, а из-за ошибок в «конкретных управленческих решениях» (с. 516).

С иных позиций история конструируется в статье коллеги А.С. Сеньявского В.М. Лаврова «Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона» (с. 543–552). Отталкиваясь от высказываний патриарха, автор предлагает собственный взгляд на национальную историю. По его словам, оторванные от «православного возрождения» реформы Александра II завершились «великим крахом и возвратом крепостничества в псевдонародной форме» (революция 1917 г. и советская власть). Автор опасается новых катастроф в будущем, поскольку «сегодняшние наши реформы» проходят «при нравственном разложении и американизации русского народа».

В новаторской работе челябинского историка Т.А. Андреевой рассматривается эволюция «образа революций 1917 г. в сознании Романовых». Анализируя мемуары и дневники представителей династии, автор реконструирует процесс формирования «дискурса катастрофы» в их высказываниях. Проблема конструирования «прошлого» и «будущего» в массовом сознании 1960-х гг. рассматривается в статье челябинского историка А.А. Фокина «“Кормушка” и “Коммуна”: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам “всенародного обсуждения” III Программы КПСС)». В статье показывается, какие основные воображаемые сценарии развития

страны присутствовали в массовом сознании, и как в нем трансформировались официальные постулаты о коммунистическом будущем. Проблема роли периодической печати в конструировании образов «прошлого» и «будущего» в массовом сознании постсоветской России ставится в статье московского исследователя П.А. Козлова «Роль периодической печати в президентских выборах 1996 г. в Российской Федерации».

В числе многочисленных сюжетов, получивших освещение в сборнике – формирование представлений об истории в Московской Руси (А.В. Мартынюк), старообрядческие самосожжения (М.В. Пулькин), менталитет российского купечества (Р.И. Попов), формирование министерской системы в России (М.А. Приходько), крестьянская реформа 1861 г. (А.Н. Апонасенко), религиозно-этнические проблемы Северо-западного края (А.Ю. Бендин), немецкие военнопленные в России в Первой мировой войне (Н.В. Суржикова), образовательная деятельность земств (Е.И. Сумбурова), деятельность городских самоуправлений в 1917 г. (А.В. Мамаев), история «Лиги русской культуры» (Ю.А. Жердева), социальное измерение российского города в пореволюционные годы (А.Н. Федоров), органы ВЧК как инструмент политической борьбы (А.Л. Кубасов), политика большевиков в России и на Украине в 1917–1919 гг. (А.В. Мишина, А.С. Сеньявский), денежная реформа в СССР в 1920-е гг. (В.В. Небрат), мемуарное наследие советских писателей 1930-х гг. (Н.А. Стрижкова), градостроительство ГУЛАГа (М.Г. Меерович), формирование этностереотипов в советском кинематографе (В.А. Токарев), нацистская пропаганда на Украине (М.В. Михайлюк), проблема открытия «второго фронта» во время Второй мировой войны (Д.В. Спирин), управление советским сельским хозяйством (Л.И. Вавулинская), студенческая жизнь эпохи «оттепели» (О.Г. Герасимова), история общины «местнорусских» в Монголии (И.А. Арузманов), и другие.

В целом, сборник оставляет хотя и противоречивое, но исключительно яркое впечатление. Разнообразные статьи дают некий срез состояния современной исторической науки на постсоветском пространстве, который показывает, что она не замкнулась в «башне из слоновой кости», а налицо – интенсивное освоение новых полей исследования.

Е.А. Ростовцев, кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский государственный университет)